

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙМАНЪ. Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода. 3 » 50 »
 На три мѣсяца. 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Коралловый островъ на Тихомъ океанѣ. А. С—ва.—II. Эмсъ. (Стих.). Н. О...въ.—III. Райскія птицы. * * — IV. Маленькій рудокопъ. Нирица.

КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВЪ НА ТИХОМЪ ОКЕАНѢ.

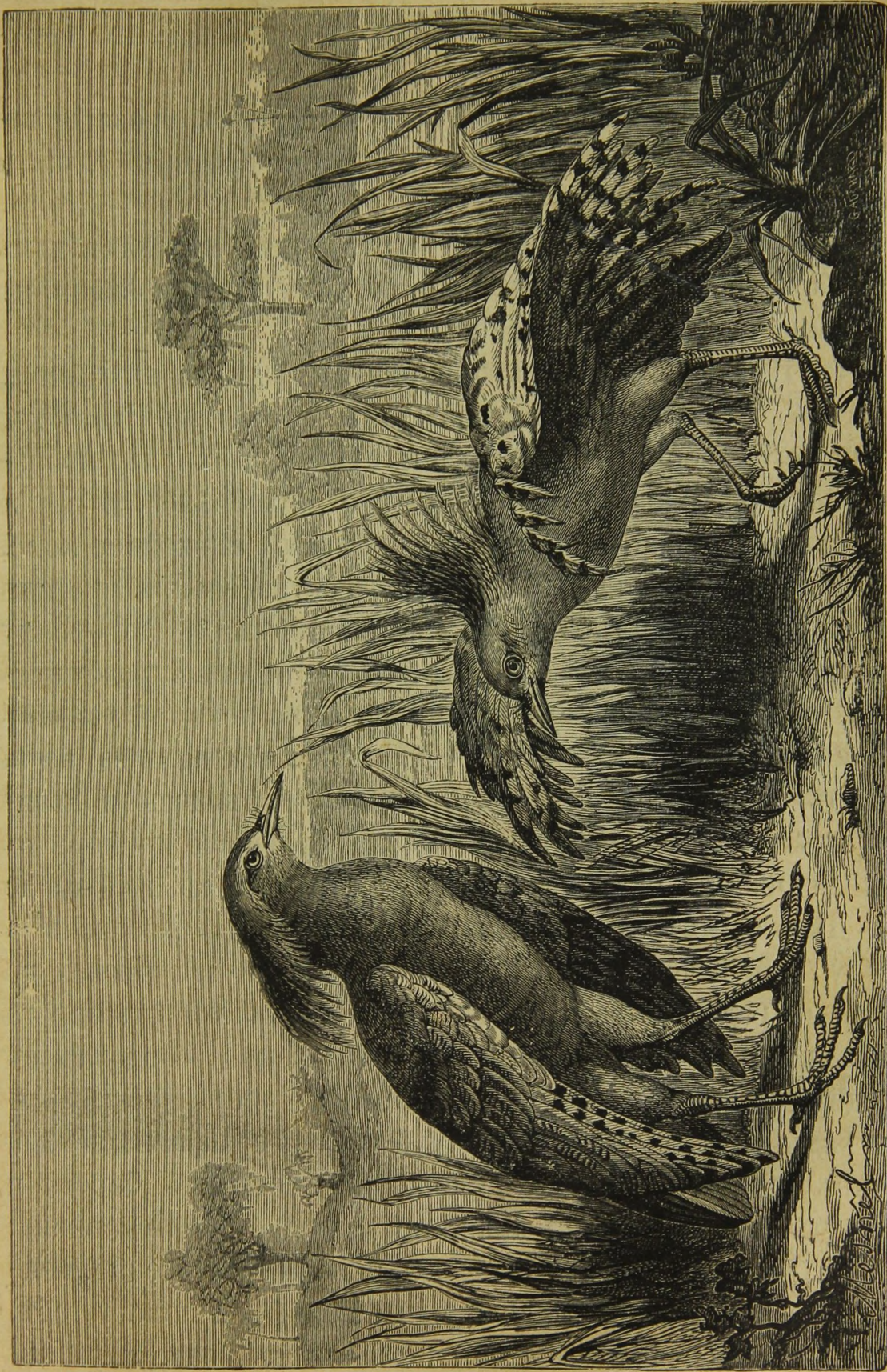
V.

Мы наслаждаемся моремъ, испытываемъ наши способности нырять и дѣлаемъ очаровательныя экскурсіи среди коралловыхъ рощъ на днѣ океана. — Чудеса морской глубины.

КАКОЕ наслажденіе проснуться въ свѣтлое, превосходное утро и встрѣтить восходящее солнце, сверкающее вамъ въ глаза съ ослѣпительнымъ блескомъ, видѣть птицъ щебечущихъ въ кустахъ и слышать ропотъ

ручейка или мягкое убаюкивающее журчанье волны, падающей на берегъ моря! Такое зрѣлище и такіе звуки очаровательны всегда и вездѣ; но всего милѣе при пробужденіи въ первый разъ, въ новомъ, романтическомъ положеніи, когда мягкій, ароматный вѣтеръ тропическаго климата смѣшивается съ свѣжимъ запахомъ моря и шелеститъ листьями странныхъ деревьевъ, высающихся надъ головами, или слегка треплетъ перья странныхъ птицъ, какъ-то вопросительно летающихъ около насъ, онѣ точно хотятъ спросить васъ, что вамъ надобно незваные гости въ нашемъ царствѣ. Когда я проснулся на другое утро послѣ кораблекрушенія въ этомъ очаровательномъ положеніи и пока лежалъ на лиственной постелѣ и глядѣлъ сквозь вѣтви кокосовыхъ пальмъ на свѣтлое, голубое небо, наблюдая за легкими, перистыми облаками, медленно плывшими по немъ, сердце мое радостно трепетало отъ счастья и благодарности къ Творцу этого дивнаго міра. Въ эти минуты я грустно вспоминалъ о моей библии, погибнувшей съ кораблемъ въ морѣ; съ грустью вспомнилъ обѣщаніе, данное мною матери моей, и далъ себѣ слово сдержать его; я всталъ осторожно чтобы не разбудить товарищей и горячо помолился. Возвратившись на свое мѣсто, я нашелъ товарищей еще спящими и самъ снова улегся, чтобы обдумать наше положеніе. Въ эту самую минуту привлекъ вниманіе мое маленький попугайчикъ. Онъ сидѣлъ на вѣточкѣ, склонившейся надъ головой Петеркина, я залюбовался его ярко-зелеными перьями, среди которыхъ мелькали перышки и другихъ яркихъ цвѣтовъ. Вглядываясь въ попугайчика, я замѣтилъ, что онъ то медленно поворачиваетъ голову изъ стороны въ сторону то глядитъ пристально внизъ на Петеркина. Смотрю на Петеркина и замѣчаю, что онъ спитъ широко раскрывши ротъ, а птица именно съ него и не спускаетъ глазъ. Птица казалась мнѣ чрезвычайно забавной, что, думаю я, еслибы у попугайчика закружилась голова или поскользнулась нога и онъ упалъ бы съ вѣтки въ ротъ Петеркина, какъ бы это ему понравилось. Вдругъ попугайчикъ наклонилъ голову прямо

ПТИЦЫ ОСТРОВОВЪ ОЦЕАНИИ.

въ лицо Петеркину и испустилъ громкій крикъ. Петеркинъ проснулся, вскочилъ съ такимъ крикомъ удивленья, что попу-гайчикъ быстро скрылся.

— Ахъ, ты уродина! вскричалъ Петеркинъ, грозя кулакомъ улетающей птицѣ—потомъ зѣвнулъ, протеръ глаза и спросилъ: который часъ?

Я улыбнулся этому вопросу и отвѣчалъ, что такъ какъ наши часы на днѣ морскомъ, то и не могу знать времени, но что солнце взошло уже давно.

Тутъ Петеркинъ началъ припоминать гдѣ мы находимся, взглянулъ на яркое небо, понюхалъ ароматный воздухъ, и взоры его сверкнули восторгомъ. Онъ вздохнулъ, произнесъ слабымъ голосомъ ура! медленно осмотрѣлся, и замѣтивъ, сквозь отверстіе между кустарниками, спокойное море, вскочивъ какъ бы отъ электрическаго сотрясенья, испустилъ дикій крикъ, сбросилъ съ себя платье, побѣждалъ по бѣлому песку и бросился въ воду. Крикъ Петеркина разбудилъ Джека, онъ съ удивленіемъ приподнялся на локтѣ и, увидавъ Петеркина въ водѣ, улыбнулся—поспѣшно вскочилъ на ноги, сбросилъ съ себя платье, откинулъ назадъ волосы и львинымъ прыжкомъ перепрыгнувъ пески бросился въ море съ такой силой, что окатилъ Петеркина пѣной съ головы до ногъ. Джекъ замѣчательно плавалъ и ныралъ. Бросившись въ воду, онъ исчезъ безъ слѣда и только спустя нѣсколько минутъ съ радостнымъ крикомъ появился далеко отъ берега. Я такъ воодушевился этимъ, что мгновенно сбросилъ съ себя одежду и попробывалъ сдѣлать такой же энергическій прыжокъ какъ и Джекъ, но задѣлъ ногой за пень и упалъ на землю, вскочивъ поскользнулся о камень на песчаномъ берегу и опять чуть не повалился къ крайнему удовольствію Петеркина; глядя на меня онъ весело смѣялся и называлъ меня „пентюхомъ“, а Джекъ кричалъ мнѣ: иди—Ральфъ, я помогу тебѣ. Несмотря на неудачное начало, попавши въ воду, я управлялся отлично, такъ какъ съ дѣтства моего хорошо плавалъ и ныралъ; но несмотря на это не могъ сравняться съ Дже-

комъ: онъ плавалъ несравненно лучше всѣхъ, кого я только зналъ, Петеркинъ же съ нимъ и равняться не могъ. Плавалъ онъ плохо, а нырять и совсѣмъ не умѣлъ.

Въ то время какъ Петеркинъ наслаждался мелководьемъ и бѣготней по берегу, мы съ Джекомъ всплыли въ глубину и ныряли за камнями и скалами. Я никогда не забуду удивленія и восторга, когда въ первый разъ увидѣлъ дно моря. Тамъ не было ни малѣйшаго вѣтра, а вода между рифомъ и островами была неподвижна точно зеркало и прозрачна до дна. Ныряя, мы съ Джекомъ ожидали найти на днѣ песокъ и камни, а вмѣсто того очутились въ волшебномъ саду. Все дно лагуны, какъ мы называли спокойную воду внутри рифа, было покрыто кораллами самыхъ разнообразныхъ формъ, размѣровъ и оттѣнковъ. Одни походили на кустарники, другіе—на большіе грибы, колонны. Между безчисленныхъ пунцовыхъ стеблей и вѣтокъ, виднѣлись блѣдно-розовыя и даже бѣлоснѣжныя вѣтви. Среди этихъ восхитительныхъ коралловъ росли роскошныя, граціозныя водоросли, рѣзвилось безчисленное множество рыбъ: голубыхъ, красныхъ, желтыхъ, зеленыхъ, полосатыхъ, повидимому онѣ нисколько не испугались нашего приближенія. Выплывъ на поверхность, чтобы передохнуть послѣ первой подводной прогулки, Джекъ и я очутились рядомъ.

— Видѣлъ ли ты когда нибудь, Ральфъ, такое очаровательное зрѣлище? спросилъ Джекъ, стряхивая пѣну съ волосъ.

— Никогда, отвѣчалъ я. Это волшебное царство. Мнѣ кажется мы грезимъ.

— Грезимъ! воскликнулъ Джекъ. Да, Ральфъ, дѣйствительно кажется мы грезимъ. Но если такъ, то я хочу воспользоваться этой грезой и потому отправлюсь—прощай товарищъ!

Второй разъ мы нырнули вмѣстѣ и продержались рядомъ подъ водой гораздо дольше нежели въ нашихъ родныхъ моряхъ. Мнѣ кажется это зависѣло отъ температуры воды,

она была такъ тепла, что мы могли оставаться въ ней два и три часа заразъ, не подвергаясь тѣмъ непріятнымъ послѣдствіямъ, которыя испытывали въ нашихъ моряхъ. Когда Джекъ достигъ дна, то ухватился за коралловые стебли и ползъ на рукахъ и на колѣняхъ, заглядывая подъ водоросли и между скалъ. Я замѣтилъ, что онъ поднялъ одну или двѣ большихъ устрицы и удержалъ ихъ въ рукѣ, какъ бы на-мѣреваясь взять съ собою, я тоже набралъ нѣсколько устрицъ. Вдругъ онъ бросился за рыбой съ голубыми и желтыми полосами на спинѣ и уже дотронулся до ея хвоста; но она ускользнула, онъ повернулся ко мнѣ, хотѣлъ улыбнуться, и какъ стрѣла вынырнулъ на поверхность, я вынырнулъ за нимъ, Джекъ каплялъ и задыхался. Черезъ нѣсколько минутъ онъ оправился и мы оба поплыли къ берегу.

— Ральфъ, сказалъ Джекъ, я пробовалъ смѣяться подъ водою.

— Я это видѣлъ, возразилъ я, и замѣтилъ, что ты чуть было не поймалъ за хвостъ полосатую рыбу. Она бы прекрасно годилась намъ на завтракъ.

— И безъ нее намъ есть чѣмъ позавтракать сказалъ онъ, показывая устрицъ, когда мы подплыли и побѣжали по берегу.—Эй! Петеркинъ, ты здѣсь, откупори-ка устрицъ пока мы съ Ральфомъ одѣваемся. Я увѣренъ онѣ прекрасно подойдутъ къ кокосовымъ орѣхамъ. Петеркинъ откупорилъ устрицъ краемъ нашего топора, восклицая: это превосходно! Я люблю устрицъ больше всего на свѣтѣ.

— Отлично! замѣтилъ Джекъ. Теперь я могу держать тебя въ уздѣ. Ты самъ знаешь, что ныряешь не лучше кошки, такъ если вы будете дурно вести себя, то нѣтъ вамъ устрицъ на завтракъ. Очень радъ, что намъ предстоитъ такой хорошій завтракъ, сказалъ я; я очень голоденъ.

— На, заткни себѣ ротъ устрицей, сказалъ Петеркинъ, поднося мнѣ ко рту большую устрицу, я открылъ ротъ и молча проглотилъ ее, она была дѣйствительно превосходна. За огнемъ у насъ дѣло не стало, зажигательное стекло

зажгло дѣйствительно превосходно, изжаривъ нѣсколько устрицъ и наслаждаясь кокосовыми орѣхами, мы долго и оживленно обдумывали какъ провести день. Какіе мы составили планы и какъ привели ихъ въ исполненіе — увидимъ впослѣдствіи.

VI.

Эккурсія внутрь страны.—Мы дѣлаемъ много интересныхъ открытій, испытываемъ страшный испугъ.—Хлѣбное дерево.—Удивительныя плодовые деревья.—Слѣды прежнихъ обитателей.

Первой нашей заботой послѣ завтрака было спрятать свои вещи въ отдаленный конецъ маленькой пещеры, которую открыли въ скалѣ близъ нашей стоянки. Мы надѣялись, что эта пещера впослѣдствіи будетъ намъ полезна въ качествѣ кладовой. Потомъ мы срѣзали два большихъ сука съ одного очень твердаго дерева, которое росло по близости, и сдѣлали изъ нихъ палки. Одну изъ этихъ палокъ дали Петеркину, другую взялъ себѣ я, а Джекъ вооружился топоромъ. Мы приняли эти предосторожности, потому что предполагали сдѣлать экскурсію на вершину срединной горы, чтобы съ нее лучше осмотрѣть островъ. Не зная какія опасности могутъ встрѣтиться намъ на дорогѣ, мы сочли лучшимъ взять мѣры предосторожности.

Окончивъ приготовленія и загасивъ огонь, пустились мы въ путь. Нѣсколько времени мы шли морскимъ берегомъ и наконецъ дошли до входа въ долину, гдѣ текла рѣчка. Передъ нами открылась очаровательная перспектива. Съ обѣихъ сторонъ земля, постепенно возвышаясь, образовывала широкую долину. Какъ эти возвышенности, такъ и низменное пространство между ними были покрыты самыми роскошными деревьями и кустарниками, которые тянулись и терялись вдаль—какъ бы сливались съ подножьемъ небольшой горы, также покрытой до самой вершины деревьями, исключая одного мѣстечка близъ лѣваго склона, которое было обнажено и въ скалахъ. Берегомъ рѣчки мы направились

къ подножью горы, чтобы взобраться на ея вершину, если это окажется возможнымъ, въ чемъ и не сомнѣвались.

Джекъ, самый разумный и смѣлый изъ насъ—шелъ во главѣ, съ топоромъ на плечѣ. Петеркинъ съ громадной дубиной слѣдовалъ за нимъ. Я шелъ позади и, увлекаясь удивительными, странными вещами, не думалъ о возможной опасности и даже дубину свою позабылъ гдѣ-то. Хотя деревья и кустарники, какъ я уже сказалъ, были очень роскошны, но они росли не такъ часто, чтобы помѣшать намъ идти. Мы безъ затрудненія входили и выходили изъ чащи и спокойно шли берегомъ рѣчки, несмотря на то, что высота деревьевъ и ихъ густая зелень мѣшала намъ видѣть вдаль. Мѣстами мы взбирались на какой нибудь скалистый выступъ горнаго склона, наслаждались съ него романтическимъ пейзажемъ и замѣчали насколько мыдвигаемся къ горѣ. На многихъ кустарникахъ я узналъ ягоды и растенія, похожія на ягоды и растенія моей родины, въ особенности напоминалъ мнѣ ихъ высокій изящной формы папоротникъ, разливавшій пріятный ароматъ. По лугу росло много различныхъ цвѣтовъ, но не столько, сколько я ожидалъ увидѣть въ этомъ климатѣ. Надъ нашими головами носилось пропасть птичекъ съ яркими перьями и попугайчиковъ, такихъ же какъ тотъ, который разбудилъ Петеркина утромъ.

Мало по малу мы дошли до подножія горы, не встрѣтивъ ничего угрожающаго. Одна часть горы была скрыта отъ насъ густыми, широкими листьями банановыхъ деревьевъ, росшихъ тутъ въ изобиліи. Джекъ только что готовился проложить себѣ путь сквозь эту чащу, какъ мы услышали странный звукъ, не то топотъ, не то ворчанье, звукъ совершенно непохожій на тѣ звуки, которые мы слышали во время первой половины нашего пути.

Мы остановились.—Эй! закричалъ Петеркинъ, охвативъ дубину обѣими руками,—что это такое?

Мы молчали, Джекъ схватилъ правой рукой топоръ, лѣвой раздвинулъ широкіе листья и старался разглядѣть сквозь нихъ.

— Ничего не вижу, сказалъ онъ послѣ короткаго молчанья.

Ворчанье слышалось снова и такъ громко, что мы отскочили назадъ и встали въ оборонительную позу. А такъ какъ у меня не было дубины, то я застегнулъ свою куртку, сжалъ кулаки и сталъ въ позу кулачнаго бойца. Но долженъ сознаться, что чувствовалъ нѣкоторую тревогу, а впоследствии и мои товарищи сознались тоже, что были не совсѣмъ спокойны, имъ мерещились и дикіе звѣри, и дикари, и страхъ быть заживо изжареннымъ и тому подобные ужасы. Внезапно шумъ удесятирился, за нимъ послѣдовалъ, среди кустовъ, ужасный трескъ, трескъ быстро повторился, казалось какое то гигантское животное прыгаетъ къ намъ. Черезъ минуту громадная скала рухнула въ кусты, сопровождаемая облакомъ пыли и мелкихъ камней и пронеслась мимо насъ, увлекая за собой кусты и молодые деревья.

— Тфу! только-то? воскликнулъ Петеркинъ, отирая со лба потъ. Я думалъ всѣ дикари и всѣ звѣри южныхъ острововъ несутся на насъ, чтобы смести насъ съ лица земли, а это простой обрывокъ скалы обвалившейся съ горнаго склона.

— Однакоже, возразилъ Джекъ, — еслибы этотъ осколокъ попалъ въ насъ, то намъ обошлось бы не легче нападенія звѣрей или дикарей. Онъ былъ правъ, осмотрѣвъ мѣстность, близъ которой мы стояли, мы увидали пропасть, отъ которой постоянно отрывались камни и многочисленные обломки, разбросанные вокругъ нее, на которые со страха не обратили вниманія. Успокоившись, мы продолжили наше путешествіе, порѣшивъ при дальнѣйшихъ экскурсіяхъ во внутренность страны избѣгать опасныхъ пропастей.

Когда мы приготовились взобраться на гору, Джекъ сдѣлалъ открытіе, обрадовавшее насъ всѣхъ, онъ указалъ дерево замѣчательной красоты и сказалъ, что это знаменитое хлѣбное дерево.

— Развѣ оно знаменито? спросилъ простодушно Петеркинъ.

— Знаменито, отвѣтилъ Джекъ.

— Странно, возразилъ Петеркинъ, я никогда не слыхалъ о немъ.

— Значить оно не такъ знаменито, какъ я думалъ, отвѣчалъ Джекъ, спокойно нахлобучивая шапку на глаза Петеркина, но слушай, по крайней мѣрѣ, что расскажу о немъ!

Петеркинъ поправилъ шапку и сталъ слушать такъ же внимательно какъ и я, Джекъ рассказалъ, что это дерево одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ на южныхъ островахъ, что оно приноситъ два, а иногда и три сбора плодовъ въ годъ, что плодъ его очень походить по наружности на пшеничный хлѣбъ, вкусомъ — на каштаны и составляетъ главную пищу большинства островитянъ.

— И такъ, сказалъ Петеркинъ, повидимому у насъ все подъ рукой въ этой удивительной странѣ — готовый лимонадъ, укупоренный въ орѣхахъ, и хлѣбъ, растущій на деревьяхъ!

Петеркинъ говорилъ шутя, но это было истинно.

— Сверхъ всего, продолжалъ Джекъ, хлѣбное дерево доставляетъ превосходную смолу, которой туземцы засмаливаютъ свои челноки; изъ коры молодыхъ вѣтвей они выдѣлываютъ родъ сукна, а изъ древесины, которая прочна и хорошаго цвѣта, строятъ дома. И такъ вы видите, что у насъ нѣтъ недостатка въ матеріалахъ, чтобы устроиться поудобнѣе, если только съумѣемъ распорядиться ими.

— Но увѣренъ ли ты въ томъ, что это точно хлѣбное дерево? спросилъ Петеркинъ.

— Совершенно, отвѣчалъ Джекъ, и очень хорошо помню его описаніе. Жаль, что забылъ описанія многихъ другихъ деревьевъ, которыя мы видѣли сегодня.

— Не горюй, Джекъ, сказалъ Петеркинъ съ покровительственнымъ выраженіемъ лица, хлопая по плечу своего высокаго товарища — не горюй, Джекъ, ты и такъ знаешь много для своего возраста. Ты умный мальчикъ и много общающій юноша и если будешь продолжать какъ началъ, то—

Его рѣчь была внезапно прервана Джекомъ, онъ бросилъ Петеркина въ чащу кустарниковъ, гдѣ тотъ и растянулся на солнышкѣ, пока мы съ Джекомъ осматривали хлѣбное дерево.

Мы были поражены красотой темно-зеленаго цвѣта его широкихъ зубчатыхъ листьевъ, лоснившихся какъ листья лавроваго дерева и почти круглыхъ плодовъ, которыми оно было отягощено. Эти плоды были различныхъ цвѣтовъ, начиная съ свѣтлаго горохово-зеленаго до коричневаго и ярко-желтаго. Джекъ сказалъ, что зрѣлый плодъ—желтаго цвѣта. Впослѣдствіи увидали, что на нашемъ островѣ множество этихъ плодовыхъ вѣчно зеленыхъ деревьевъ, на которыхъ въ одно время находились и цвѣты, и зрѣлые плоды. Кора дерева была жестка и свѣтлаго цвѣта, стволъ около двухъ футовъ въ объемѣ, повидимому вышиною оно достигало двадцати футовъ; лишенное вѣтвей вплоть до вершины, на вершинѣ оно роскошно развѣтвлялось въ прелестную тѣнистую листву, а на вѣтвяхъ висѣли плоды гроздьями по два и три вмѣстѣ; такъ какъ намъ хотѣлось взобраться на вершину горы, то мы и не тронули ни одного плода.

Удача ободрила насъ, мы легко и бодро взобрались по крутымъ склонамъ горы на вершину и увидали еще болѣе высокую гору нежели та, на которой мы стояли, а между ними широкую долину. Эта долина, какъ и первая, была переполнена роскошной растительностію, изъ растеній одни были темно-зеленые, другія свѣтло-зеленые, одни покрыты густой, тяжелой листвою, другія — легки, перисты и граціозны, тогда какъ прелестные цвѣты на многихъ изъ нихъ набрасывали на все радужный оттѣнокъ и придавали долиנѣ видъ цвѣтника. Среди этихъ деревьевъ находилось много хлѣбныхъ деревьевъ, отягощенныхъ зрѣлыми плодами, а также множество и кокосовыхъ пальмъ. Наглядѣвшись досыта, мы спустились съ горы, пересѣкли вторую долину и вскорѣ начали взбираться на вторую гору. Она была покрыта

деревьями почти до самой вершины, а вершина обнажена и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ потрескалась.

На нашемъ пути мы встрѣтили предметъ, возбудившій въ насъ сильное любопытство. Это былъ пенъ дерева, очевидно срубленнаго топоромъ. И такъ не мы первые обозрѣли этотъ очаровательный островъ. Рука человѣка работала тутъ прежде насъ. Быть можетъ, думали мы, островъ этотъ былъ обитаемъ, хотя еще не видали слѣдовъ человѣка, но при второмъ взглядѣ на пенъ замѣтили, что поверхность пня сгнила, покрыта грибами и зеленымъ веществомъ, такъ что дерево должно быть было срублено нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Можетъ быть какой нибудь корабль заѣзжалъ сюда за топливомъ и моряки срубили только одно это дерево, замѣтилъ Петеркинъ.

Это казалось невѣроятнымъ, экипажъ корабля срубилъ бы деревья мелкія, растущія близъ берега, а это было одно изъ самыхъ высокихъ деревьевъ и стояло близъ вершины горы.

— Быть можетъ, сказалъ Джекъ, царапая поверхность пня топоромъ, здѣсь были дикари и срубили его для цѣли, извѣстной только имъ.

Говоря это, Джекъ тщательно соскабливалъ мохъ и грибки съ пня и вскорѣ на пнѣ ясно обозначились слѣды вырѣзанной какой-то надписи, которую трудно было разобрать. Джеку казалось, что это изображало И С, но мы не были увѣрены въ этомъ. Повидимому эти буквы были небрежно вырѣзаны, а буря и непогоды разрушительно повліяли на нихъ. Мы были поражены этимъ открытіемъ и долго простояли на мѣстѣ, пускаясь въ предположенія о томъ, чѣмъ могли быть эти знаки. Приближался вечеръ, мы оставили пенъ и быстро достигли вершины горы.

Эта высшая точка острова, оттуда весь островъ былъ какъ на картѣ.

Онъ состоялъ изъ двухъ высокихъ горъ, между ними раз-

стилалась роскошная, прекрасная долина. Эта долина перерывала островъ изъ одного конца до другаго и съ обѣихъ сторонъ наклонялась къ морю. Гора, которая была выше, спускалась постепенно къ морю со стороны, отдаленной отъ мѣста нашего крушенія, при болѣе тщательномъ осмотрѣ оказывалось, что она разбита на множество крошечныхъ ущелій, перемежающихся съ дикими мѣстечками и маленькими крутыми пропастями, по краямъ которыхъ текли рѣчки, катившіяся по склонамъ маленькими бѣглыми потоками, сверкавшими среди широкихъ листьевъ хлѣбныхъ и кокосовыхъ деревьевъ, то скрытыми среди кустарниковъ. У подножья этой горы разстилалась узкая, яркая, зеленая равнина и внезапно оканчивалась у берега. По другую сторону острова, откуда мы пришли, стояла гора поменьше, подножье ея развѣтвлялось на три долины. Въ этихъ маленькихъ долинахъ рѣкъ было не замѣтно.

Островъ повидимому имѣлъ до десяти миль въ поперечникѣ, а такъ какъ форма его была почти круглая, то его окружность должна была равняться тридцати милямъ, а можетъ была и побольше, если принять въ соображеніе многочисленные заливы и извилины берега. Весь островъ былъ опоясанъ отмелью изъ чистаго, бѣлаго песку, о которую плескались и журчали кроткія волны лагуны. Мы замѣтили также, что коралловый рифъ вполне окружалъ островъ; но разстояніе этого рифа отъ острова разнилось; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ отстоялъ на милю, въ другихъ—на нѣсколько сотъ ярдовъ, среднее же разстояніе было не болѣе полумили. Рифъ лежалъ низко и пѣнистыя волны разбивалась о него во многихъ мѣстахъ. Рокотъ волнъ не прекращался, какъ бы спокойна не была погода, въ Тихомъ океанѣ всегда существуетъ легкое волненіе, оно, едва замѣтное въ морѣ, достигаетъ берега въ видѣ громадной волны. Въ рифѣ было три узкихъ отверстія, одно изъ нихъ напротивъ конца долины, пересекающей островъ, другое—напротивъ нашей собственной долины, которую мы впослѣдствіи

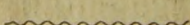
назвали долиной Крушенія. У каждого изъ этихъ отверстій рифъ образовалъ два маленькихъ зеленыхъ островка, покрытыхъ кустарниками, и на каждомъ изъ нихъ росла одна или двѣ кокосовыя пальмы. Эти островки были очень странны и казалось созданы съ цѣлью обозначать каналъ, ведущій въ лагуну. Капитанъ нашъ правилъ къ одному изъ этихъ отверстій въ день крушенія и безъ сомнѣнія достигъ бы его, если бы корма не была оторвана. Внутри лагуны находилось много хорошенъкихъ, низенькихъ коралловыхъ острововъ, прямо напротивъ нашей стоянки и за ними, на морѣ было разбросано до дюжины другихъ островковъ, расположенныхъ въ различномъ разстояніи другъ отъ друга; всѣ они — насколько мы могли замѣтить — были повидимому меньше нашего и необитаемы. Это были низенькіе коралловые острова, слегка возвышающіеся надъ уровнемъ моря, но уже покрывшіеся кокосовыми деревьями.

Замѣтивши все это и еще многое другое, сидя на вершинѣ горы, и удовлетворивъ свое любопытство, мы намѣревались уже вернуться, какъ снова натолкнулись на слѣды присутствія человѣка, т. е. на посохъ или палку и на одинъ или два куста дерева, срубленныхъ топоромъ. Но все это было гнило и очевидно никто не прикасался къ нимъ въ теченіи многихъ лѣтъ.

Занятые этими открытіями, мы вернулись къ нашей стоянкѣ. На дорогѣ натолкнулись на слѣды какого-то четвероногого животнаго. Это возбудило въ насъ надежды добыть какую нибудь животную пищу на островѣ. Мы пришли домой въ самомъ хорошемъ настроеніи духа, готовые къ ужину и вполне довольные нашей экскурсіей.

Послѣ спора, въ которомъ главнымъ зачинщикомъ являлся Петеркинъ, мы рѣшили, что островъ необитаемъ, и улеглись спать.

А. С—ва.

Э М С Ъ.

ПОРЫ спятъ подъ дымкой
Легкаго тумана,
И волной лѣнивой
Звучно льется Лана.

Мѣсяцъ лучезарный
Свѣтитъ на вершины;
Тянутся безмолвно
Темныя долины.
Въ синевѣ небесной
Звѣзды блещутъ ясно;
Вѣтеръ притаился,
Ночь лежитъ безгласно.
Думы возникаютъ,
Да мольбы, да грезы;
На душѣ такъ полно,
Что катятся слезы.

Н. Р—въ.

РАЙСКІЯ ПТИЦЫ.

(Paradisaea. Oiseau de paradis).

В ДРЕВНОСТИ было преданіе, что райскія птицы получили свое названіе оттого, что онѣ каждый годъ на четыре мѣсяца улетаютъ въ рай, тамъ вьютъ свои гнѣзда и выкармливаютъ дѣтей. Путешественники говорили, что эти посѣтители Эдема *) не имѣютъ ногъ и потому не могутъ спускаться на землю; воздухъ ихъ единственная стихія, а питаются онѣ одной росой. Еще рассказывали, что райскія птицы живутъ цѣлыми обществами, управляются царями, которые отличаются хвостомъ съ двумя выющимися перьями, украшенными блестящими глазками, а ростомъ онѣ меньше обыкновенныхъ райскихъ птицъ; говорили, что этотъ царь хранитъ все общество и распоряжается путешествіемъ; по его знаку все стадо останавливается и снова пускается въ путь; кто же уклонялся отъ общаго пути, тотъ не возвращался болѣе въ Эдемъ. Когда стрѣла поражала царя, тогда все племя рассыпалось и дѣлалось добычею дикихъ охотниковъ, а они продавали европейскимъ купцамъ эту драгоцѣнную добычу за горсть стекляруса, шпатель, гвозди, топоры и разныя мелочи.

*) Рай.

Мало по малу европейцы начали пробовать, нельзя ли овладѣть таинственной птицей, и первая, которая была поражена ихъ смертоноснымъ свинцомъ, или ввѣрилась ихъ смолѣ, уничтожила всю прелесть первобытной исторіи... у нее были двѣ ноги! Тогда островитяне признались, что они отрывали у нихъ ноги. Когда же вскрыли райскую птицу, то нашли, что она такъ же устроена, какъ и прочія птицы, и что эти поэтическія созданія питаются не одной росой, но пряными кореньями, мушкатными орѣхами и разными ягодами, болѣе же ягодами варинга. Послѣ второго вскрытія увидѣли, что онѣ пожираютъ насѣкомыхъ, особливо большихъ бабочекъ восточной Индіи. Третье вскрытіе доказало, что эти мнимые жители Эдема—настоящіе Канибалы птичьяго рода, что они ѣдятъ маленькихъ птичекъ. Наконецъ одинъ изъ царей райскихъ птицъ, смертельно раненый, подвергся въ свою очередь опыту науки, и приговоръ строже того, который ожидалъ царей Египта, въ день ихъ погребенія, похитилъ его царское достоинство. Онъ пересталъ быть райскою птицею, несмотря на сходство свое съ нею, и сдѣлался парадискою, принадлежащею къ низшему разряду этой породы птицъ.

Обыкновенно всѣ птицы, которыя путешествуютъ стаями, отставши отъ своего общества, пристають къ другому поколѣнію и летаютъ съ нимъ до того времени, пока найдутъ свое. Такъ и парадиска только путешествуетъ съ райскими птицами и вертится вокругъ нихъ, когда онѣ останавливаются, ни мало не управляя ихъ полетомъ. Два глаза ея аргусова хвоста есть оконечность двухъ вьющихся перьевъ, на которыхъ видны кружки похожіе на павлиныя.

Купцы Океаніи и Востока сперва боялись, чтобы райскія птицы, съ уничтоженіемъ небеснаго происхожденія, не утратили своего достоинства въ глазахъ европейцевъ; но они успокоились, увидѣвши, что по рѣдкости и красотѣ этихъ птицъ, цѣна на нихъ возвышается.

Туземцы ловятъ райскихъ птицъ петлями, привязанными

къ деревьямъ, стрѣляютъ въ нихъ изъ шалашей, бросаютъ въ ручьи леванскую скорлупу, отъ которой онѣ пьянѣютъ и падаютъ безъ чувствъ; наконецъ призываютъ самую бурю на помощь для этой охоты: когда небо мрачно, они караулятъ райскихъ птицъ, и если птицы не успѣютъ спрятаться отъ бури за тучами, то сильный вѣтеръ разбиваетъ ихъ перья и онѣ падаютъ на землю съ ужаснымъ крикомъ, которому отвѣчаетъ голосъ радости охотника.

Когда же эти бѣдныя птицы попадутъ въ плѣнъ, то надъ ними начинается ужасная операція. Прежде всего ихъ сушатъ живыми, потомъ вынимаютъ изъ черепа кости и сѣрнымъ паромъ дубятъ кожу, вздѣтую на вѣтку тростника. Отъ этой операціи перья на шеѣ и на груди сжимаются и придаютъ имъ видъ бархата, которымъ такъ много всѣ любятъ. Приготовленная такимъ образомъ райская птица, въ видѣ муміи, бережливо вкладывается въ бамбукъ и доходитъ до насъ со всѣми своими перьями.

Первое понятіе объ райскихъ птицахъ мы имѣемъ со временъ второй экспедиціи Магалея. Одинъ изъ его товарищей любилъ естественныя науки и описывалъ все достойное замѣчанія. Въ числѣ чудесъ, имъ видѣнныхъ и описанныхъ, помѣщается и исторія райскихъ птицъ. Кромѣ того онъ рассказываетъ, какъ островитяне дѣлаютъ изъ ихъ перьевъ султаны на свои каски, какъ привѣшиваютъ ихъ къ своимъ саблямъ, и открываютъ за тайну, что эти птицы не имѣютъ ни ногъ, ни обыкновеннаго внутренняго устройства птицъ.

Другой извѣстный историкъ райскихъ птицъ признается, что не вѣритъ путешествію этихъ птицъ въ рай, прибавляя, что если онѣ и въ самомъ дѣлѣ скрываются на нѣкоторое время, то вѣроятно въ темныя, непроницаемыя дубровы, гдѣ бы человѣкъ не могъ помѣшать имъ вить гнѣзда.

Теперь поддѣлываютъ райскихъ птицъ точно такъ же, какъ поддѣлываютъ жемчугъ и алмазъ. Во время восточнаго муссона, когда райскія птицы путешествуютъ и линяютъ, перья ихъ собираютъ; потомъ берутъ попугая, или живую шелкоперку, золотистаго дрозда Анголы, или даже европейскаго, потрошатъ ихъ, убираютъ собранными перьями, и они, играя по неволѣ роль вороны, украшенной павлиными перьями, въ свою очередь украшаютъ другихъ. Эта поддѣлка такъ хороша, что даже натуралисты обманываются ею.

РАЙСКАЯ ПТИЦА.

Райскія птицы Океаніи принадлежатъ къ порядку пташекъ, къ семейству ширококоротыхъ; клювъ у нихъ прямой, крѣпкой, острый, не много выпуклый; ноздри едва открытыя, совершенно запущенныя перьями чрезвычайно мягкими, металлическаго цвѣта; лапки крѣпкія, съ четырьмя пальцами. Всего же примѣчательнѣе ихъ роскошныя перья, яркихъ, блестящихъ цвѣтовъ, придающія имъ великолѣпный видъ; у большей части изъ нихъ боковыя перья превосходятъ длиною тѣло, у другихъ лопаточныя перья образуютъ родъ мантии, иногда хвостовыя перья имѣютъ видъ длинныхъ нитей. Вообще же всѣ перья райскихъ птицъ отличаются живостію красокъ и металлическимъ блескомъ. Онѣ живутъ въ густыхъ лѣсахъ Океаніи, въ мѣстахъ самыхъ уединенныхъ, и только когда небо ясно и воздухъ чистъ, поднимаются на вершины высокихъ деревьевъ. Летаютъ онѣ очень быстро, колеблясь, какъ и всѣ птицы съ длинными перьями; а во время бури перпендикулярно возвышаются по воздуху до тѣхъ поръ, пока достигнутъ тихой атмосферы. Если буря долго продолжается, то райскія птицы опускаются на землю и разстилаются по пнямъ деревьевъ. Права онѣ смѣлаго и мстительнаго, долго преслѣдуютъ своего врага и часто одерживаютъ побѣды. Отечество райскихъ птицъ—Новая Гвинея и сосѣдственные острова.

Оттонъ Гилабегеръ, путешествовавшій по Малайскимъ островамъ, говоритъ, что онѣ питаются плодами ароматныхъ деревьевъ, и до того объѣдаются мушкатными орѣхами, что какъ опьянѣлыя падаютъ на землю. Линней предполагаетъ, что онѣ кормятся большими бабочками. Бонтіусъ говоритъ, что онѣ ѣдятъ маленькихъ птицъ.

Ученые, рассматривая ихъ, нашли, что, исключая перьевъ, онѣ по своему устройству ничѣмъ не отличаются отъ воробьевъ; но какъ онѣ несутъ яйца, какъ высиживаютъ и кормятъ дѣтей—неизвѣстно.

Райскихъ птицъ считается восемь главныхъ породъ: 1) большая райская птица, или большой изумрудъ, 2) малый изумрудъ, 3) красная райская птица, или рубинъ, 4) пышная, 5) царская, 6) великолѣпная, 7) золотое горлышко и 8) бѣлая.

* * *

МАЛЕНЬКІЙ РУДОКОПЪ.

Х.

Борьба.

НА ЗАРѢ Доротея принесла Готлибу чашку горячаго кофе, кусокъ хлѣба, потрепала его по щекѣ и похвалила за смѣлость. Онъ ничего не сказалъ ей о своемъ страхѣ, думая, что если это узнають дѣти, то будутъ бояться дежурить не только ночью, но и вечеромъ. Тѣмъ еще болѣе, что одинъ изъ нихъ долженъ замѣнить его на слѣдующую ночь. Вмѣсто того что бы немного отдохнуть по утру, какъ совѣтовалъ ему отецъ, Готлибъ съ дѣтьми отправился въ школу и попросилъ учителя съ нимъ переговорить наединѣ. Учитель внимательно выслушалъ его и сказалъ:

— Готлибъ, тутъ что нибудь да кроется. Это не духъ и не животное, оно бы имѣло другую форму, а человѣкъ съ дурнымъ намѣреніемъ, или хотѣвшій напугать тебя. Бездѣльникъ этотъ ничего не сдѣлалъ, такъ его нечего и бояться, если бы ты бросился на него, онъ безъ сомнѣнія убѣжалъ бы. Впрочемъ надобно быть осторожнѣе. Послѣ класса я покажу тебѣ что это было за привидѣніе. Когда Готлибъ увидалъ громадную фигуру, касающуюся головой до потолка, то почувствовалъ такой-же страхъ, какъ и ночью, хотя и зналъ что это былъ школьный учитель, и расхохотался, увидавши

разныя вещи, составлявшія это чудовище. Послѣ обѣда учитель отпустилъ Готлиба домой, чтобы отдохнувши онъ опять пошелъ на дежурство.

Возвратившись домой, Готлибъ отдохнулъ, а съ наступленіемъ ночи несмотря на просьбы Кламрода и его старшихъ дѣтей остаться, снова отправился караулить, онъ, взявъ съ собою толстую палку, въ карманъ положилъ нѣсколько камней и спокойно ждалъ появленія призрака, сидя на пригоркѣ; какъ только часы начали бить полночь, привидѣніе явилось. Готлибъ смотрѣлъ на него совсѣмъ другими глазами чѣмъ въ прошлую ночь.

Онъ понималъ что эта огромная голова блѣдно-желтаго цвѣта ни что иное, какъ пустая тыква съ вырѣзанными отверстіями на мѣстѣ носа, рта и глазъ, сквозь которыя свѣтятся два свѣчные огарка, а большой плащъ покрывавшій привидѣніе — одѣяло сшитое изъ разныхъ лоскутковъ, изъ подъ котораго виднѣлись женскія ноги. Онъ всталъ и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Кто ты? говори сейчасъ. Привидѣніе молчало! Правой рукой Готлибъ вынулъ камень изъ кармана, а въ лѣвой держалъ палку. вмѣсто отвѣта привидѣніе вытянулось еще выше и слышалось глухое ворчаніе. Наканунѣ, это конечно увеличило бы страхъ мальчика, но теперь онъ смѣялся. По мѣрѣ того какъ призракъ выросталъ, изъ подъ плаща виднѣлись все болѣе и болѣе его ноги.

— Слышишь? закричалъ Готлибъ громче прежняго и ловко бросилъ въ него камень.

Привидѣніе попробовало приблизиться къ нему.

Полетѣлъ другой камень, голова и парикъ упали и загасили свѣчу.

— Ай! ай! рука! руку! рука моя! слышался женскій голосъ.

Это была Катерина.

— Негодяй! ты со мной не раздѣлаешься! кричала она. Плащъ съ нее свалился, показалась женщина съ граблями

въ рукахъ, которыми она поддерживала тыкву, и бросилась бѣжать.

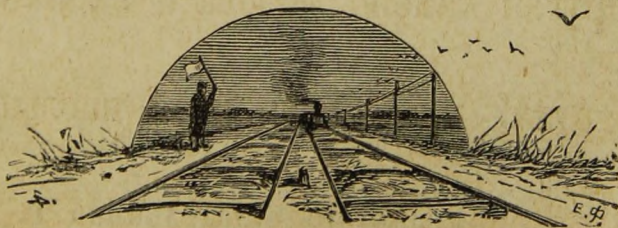
На мѣстѣ привидѣнія остался плащъ грабли, пустая тыква, коричневый парикъ изъ моха, все это Готлибъ по утру принесъ домой, и радостно разсказалъ свои похождения. Дѣти хвалили его, а отецъ съ озабоченнымъ видомъ сказалъ:

— Хорошо что ты не испугался призрака и разоблачилъ его, но я боюсь чтобы это не разразилось надъ нами бѣдою. Берегитесь провиниться, когда не въ чемъ упрекнуть себя, тогда легче переносить непріятности. Впрочемъ да будетъ воля Божія! Къ счастью болѣзнь Кламрода совсѣмъ прошла. Какъ только онъ узналъ что директоръ рудниковъ дома, то и поспѣшилъ объявить ему, что онъ опять начнетъ дежурить. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ спросилъ его не пропали ли у него грабли и большое одѣяло сшитое изъ разныхъ лоскутковъ, которые призракъ сбросилъ съ себя убѣжавши, а Готлибъ, дежурившій за отца прошлую ночь, поднялъ и принесъ домой. Верендтель съ сердитымъ видомъ сказалъ:

— У меня пропало много вещей. Воръ, оставившій у себя самую лучшую вещь, могъ бы удержать грабли и этотъ хламъ. Не вѣрьте всему что говоритъ мальчикъ, онъ болтаетъ какъ сорока. Кламродъ пошелъ домой и мелькомъ замѣтилъ, что у Катерины завязана лѣвая рука.

Нирицъ.
Съ нѣмецкаго.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХИЖИНЫ ЖИТЕЛЕЙ ПОЛИНЕЗІИ

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 апрѣля 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.